

Я медленно поднял голову и произнес:

— Я не хочу тебя видеть, старший брат.

Слёзы скатились по щекам.

Старший брат вздрогнул, но крепко прижал меня к себе и тихо сказал:

— Я знаю, я знаю.

Его голос был полон горькой боли.

Чу Фэнлянь шагнул вперёд и заговорил:

— Третий молодой господин, в этом деле нельзя винить главу крепости. Он действовал ради твоего же блага, и ты не можешь вечно метаться в нерешимости. Раз уж всему этому должен прийти конец, чем дольше тянется эта неопределенность, тем сильнее все мучаются. Теперь тот человек ушёл добровольно, страшной беды удалось избежать, так к чему же третий молодой господин...

— Добровольно? — усмехнулся я, глядя на то место, где только что стоял второй брат. Там еще остались следы пролитых им слёз. — Разве второй брат ушел добровольно? Это я использовал его чувства ко мне, чтобы принудить его. Каким бы искренним ни казалось мое выражение лица, скорбным тон и красивыми слова — в конце концов, это я вытолкал его вон. Второй брат любит меня сильнее всего на свете, как он мог стерпеть, когда я вот так молил его на коленях? Если бы он не ушел, что еще ему оставалось?

Мо КеВэнь тоже вмешался:

— Так или иначе, третий молодой господин уже сделал свой выбор, и терзать себя теперь бесполезно.

— Выбор? Я сожалею вовсе не о выборе, а о... — Я снова усмехнулся, отступил на шаг и громко произнес: — Старший брат, разве у Му Жаня был другой выбор?

Старший брат снова вздрогнул и глухо ответил:

— Нет. Я бы не позволил тебе сделать иной выбор.

— Вот именно, у меня не было выбора. Так к чему же старшему брату было заставлять меня выбирать?

Старший брат промолчал.

Князь Аньпин вздохнул:

— Это потому, что Му Чэн знал: ты ни за что не стерпишь, если твой второй брат навлечет на себя гнев всего света. Только ты один мог свести этот ущерб к минимуму. Му Жань действительно справился, и Помесье князя Аньпина безмерно вам согласно.

Мне нечего было ответить. Я помог им, но ранил второго брата, и их благодарность — это боль второго брата. Но разве кого-то из них волновали слёзы и боль второго брата?

Каким же одиноким и опустошенным выглядел второй брат со спины, когда уходил! Велик этот мир, куда же он направится?

Неужели отныне нас с вторым братом разделяют небеса и земля, и мы больше никогда не встретимся?

Чу Фэнлянь снова подал голос:

— Раз уж он ушел против воли, не станет ли он снова строить козни против князя Дуаня?

— Нет, — отрезал я. — Потому что князя Дуаня вообще не было у второго брата.

— Что ты сказал? — изумился Чу Фэнлянь.

— Тогда где же он? — встревоженно спросил Мо КеВэнь. Даже обычно молчаливый Чу Фэнци приподнял брови.

Я посмотрел на Шэнь Дули. Он уже довольно долго хранил молчание — наверняка о чем-то догадался.

Дули неторопливо подошел ближе и вздохнул:

— Му Жань так умен, он должен понимать, что нет ничего более ранящего, чем сердечные дела. И все же...

Он внезапно сделал движение и схватил за руку слугу, стоявшего с кувшином у моего столика:

— Разве князю Дуаню еще не надоело зрелище?

Тот громко рассмеялся:

— От Дули ничего не утаишь!

Он сорвал маску, и кто же это оказался, если не сам князь Дуань?

Князь Аньпин гневно воскликнул:

— Дуань Минфэн, мальчишка, вечно жаждущий хаоса! Ты все это время был здесь и смотрел, как мы из-за тебя переживаем? Тебе весело?

Князь Дуань моргнул и изобразил невинность:

— По-моему, вы ни капли не переживали из-за меня, зато я отчетливо слышал, как ты заявлял, что вовсе не хочешь выдавать за меня младшую сестру.

Князь Аньпин ткнул в него пальцем, лицо его побагровело от гнева, но слов не нашлось.

Чу Фэнлянь в тревоге спросил:

— Что здесь происходит?

Князь Дуань лишь улыбнулся и обратился ко мне:

— Младший братец, откуда ты узнал, что меня не было у Су Мухуа?

Увидев эту беззаботную улыбку, я почувствовал острую боль в груди. Он воспринимал все происходящее лишь как забавное представление и наверняка наблюдал за всем с величайшим интересом! Неужели для этих аристократов и высокопоставленных чиновников все остальные люди — не более чем сорная трава?

Я отвернулся и умолкнул. Мысленно я поклялся: раз второй брат ушел, мне больше незачем оглядываться ни на кого. Захочу — буду смеяться, захочу — гневаться. И что вы мне сделаете?

Заметив мое мрачное молчание, князь Дуань неловко усмехнулся:

— Я что, чем-то обидел младшего братца?

Дули с улыбкой произнес:

— Му Жань, пожалуй, смертельно на тебя злится. Никогда еще не видел его в таком состоянии.

Князь Дуань удивился:

— За что же младшему братцу на меня злиться? Я к нему всей душой проникся с первой же встречи.

Я просто сделал два шага в сторону и уставился в окно.

Дули снова усмехнулся:

— Перестань его допытывать, давай я лучше сам тебе расскажу. Главе Су ничего не стоило изменить лицо с помощью маскировки, но чтобы чужой человек вплоть до каждого жеста копировал тебя столь безупречно — на это потребовалось бы немало дней. Значит, кто-то ему помогал, и этот помощник должен был знать князя как свои пять пальцев.

Князь Дуань рассмеялся:

— Мои слуги об этом ни сном ни духом, выходит, помогать ему мог только я сам?

— Верно. Однако боевые искусства клана Дуань из Дали столь высоки, что пленить князя так, чтобы слуги ничего не заметили — задача невероятно трудная. А даже если бы кому-то и улыбнулась удача, заставить князя помогать ему было и вовсе невозможно.

Князь Дуань опять рассмеялся:

— Значит, остается лишь то, что я сам вызвался ему помочь?

— Именно так. Учитывая характер... кхм, характер князя, это весьма вероятно. К тому же, вместо того чтобы изображать самого князя и привлекать всеобщее внимание, куда проще прикинуться обычным слугой — так никто ничего не заподозрит, и действовать будет гораздо удобнее.

Князь Дуань собирался что-то возразить, но князь Аньпин яростно схватил его за воротник и сквозь зубы процедил:

— Так оно и было? Ты самовольно помог постороннему строить против нас козни, да еще и стоял в стороне, потешаясь!

Князь Дуань тут же начал задыхаться и с трудом выдавил:

— Если ты будешь так меня держать, как я отвечу?

Князь Аньпин гневно разжал пальцы. Князь Дуань потер грудь и заговорил:

— Дули совершенно прав. Тот Су Мухуа изначально и впрямь переоделся слугой, но из-за незнания обычаев Дали попался мне на глаза. Заметив, что глава боевого союза вдруг рядится в простого слугу, я, разумеется, заинтересовался и тогда...

— И тогда ты притворился, что восхищен его боевым мастерством, сошелся с ним как с другом и выведал всю правду, — холодно закончил князь Аньпин.

Князь Дуань расхохотался:

— Чего это ты, князь, говоришь так недобро? Мои боевые искусства уступают его силе, мне оставалось только так поступить. Увидев, что я не замышляю зла, он выложил все как на духу: мол, в Поместье князя Аньпина удерживают самого дорогого ему человека, и слезно умолял о помощи. Ну а я-то решил, будто ты, князь, умыкнул чужую жену! У меня ведь сердце истинного героя...

Князь Аньпин издал презрительный смешок:

— Какое еще геройское сердце! Ты просто жить не можешь без хаоса. Признавайся, ты еще и сочувствие его бедам изобразил, клялся в благородном гневе помочь ему и сам предложил ему принять твой облик?

Князь Дуань ухмыльнулся:

— И все-таки князь понимает меня с полуслова.

Князь Аньпин возмутился:

— Ты слишком далеко зашел! А если бы и впрямь стряслась беда, что бы тогда делать?

Князь Дуань рассмеялся:

— Пока здесь князь и Дули, какая беда могла стрястись? К тому же, я ведь был здесь. Только вот до сих пор не пойму, Дули, как ты меня раскусил?

Дули ответил:

— Виновата твоя собственная неосторожность — ты потерял бдительность, когда наблюдал за

представлением. Не в укор будь сказано князю, но ты радовался чужому несчастью слишком открыто. Люди вокруг так страдали, а ты умудрялся улыбаться.

Князь Дуань тронул себя за щеку и улыбнулся:

— А я-то думал, никто на меня не смотрит. Просто не удержался, не сдержал улыбки... Глаз у тебя наметан, Дули. А почему бы мне и не улыбнуться? Уж никак не ожидал такого поворота! Такое захватывающее зрелище — просто счастье, что я его не пропустил.

Услышав это, я почувствовал, как перед глазами всё потемнело. Я едва не рухнул на пол, сердце в груди разрывало от боли, а переполнявшую меня ненависть некуда было выплеснуть.

Второй брат... Когда тебя разоблачили, ты ведь наверняка смог скрутить его. Ты пощадил его, а он...

Он притворился, что хочет помочь, а сам использовал тебя ради забавы! Он наслаждался твоими страданиями и отзывался о тебе с издевкой. Я никому не позволю так обращаться с тобой. Я заставлю этого человека заплатить за всё, даже если он — возлюбленный княжны.

Старший брат крепко сжал мою руку и, заметив, как сильно я дрожу, прижал к своей груди.

Я усмехнулся:

— Старший брат, неужели князь Дуань — твой друг?

Старший брат помолчал немного, глядя на меня, а затем обратился к князю Аньпину:

— Цин Лэй, мы уже слишком долго гостим в Черном Замке, боюсь, у нас появились срочные дела. Завтра на рассвете мы тронемся в путь и не сможем остаться на свадьбу княжны, прошу нас извинить.

С этими словами, не дожидаясь ответа князя Аньпина, он схватил меня за руку и заставил развернуться.

Вслед нам донеслись слова князя Дуаня:

— Чего это они так спешат?

И легкий вздох Дули:

— Князь, на сей раз ты нажил себе врага, с которым шутки плохи. Моли о покровительстве

небес.

Вернувшись в комнату, старший брат велел Чу Фэну и Чу Фэнци собирать вещи, и оба тут же отправились выполнять приказ.

Но я еще не хотел уходить.

Я присел на край кровати, глядя на старшего брата, и произнес:

— Старший брат, дай мне еще три дня.

— Чего ты задумал?

Я улыбнулся:

— А что я могу задумать? Я всего лишь хочу, чтобы он больше никогда не смел улыбаться и лгать людям.

Старший брат посмотрел на меня и вдруг рассмеялся. Вся его прежняя мрачность словно испарилась. Я поднял глаза и сердито уставился на него, а он смеялся всё веселей и звонче.

Наконец он перестал смеяться, но продолжал пристально смотреть на меня. От этого взгляда мне стало не по себе, я отвел глаза и спросил:

— Старший брат, что с тобой?

Он присел на корточки передо мной, нежно коснулся моего лица и проговорил:

— Ранька, ты ведь на самом деле не держишь на меня зла, верно?

Я отвернулся и промолчал. Старший брат улыбнулся:

— Если бы ты действительно ненавидел меня, я бы, наверное, уже несколько раз умер.

Я поднялся, намереваясь уйти, но старший брат обхватил меня за талию, повалил на кровать и прошептал:

— По крайней мере, в такие моменты у Раньки всегда есть тысяча возможностей со мной расправиться.

Вот же человек! Обычно слова из него не вытянешь, а уж если начнет говорить — конца не будет, и говорит такое...

Я вспыхнул и уставился на него:

— Старший брат хочет, чтобы Му Жань расправился с ним прямо сейчас?

Старший брат посмотрел на меня, улыбка исчезла с его лица:

— Ранька снова меня напугал. Когда ты сказал, что не хочешь меня видеть, у меня сердце остановилось. Как мне тебя наказать?

Я вздохнул. Наверное, я действительно никогда по-настоящему не ненавидел старшего брата — всякий раз, когда он так со мной обращался, мое сердце таяло. Он сам по себе не умел улыбаться, но почти все свои улыбки отдавал мне, и все его страдания тоже исходили от меня.

Я обнял его в ответ и произнес:

— Му Жань просто злился.

— На что ты злился?

— Я злился на то, что, прекрасно зная, как ты давишь на меня, зная, что этот... этот мерзавец вовсе не у второго брата, я всё равно... всё равно...

Я замолчал, не смея даже представить выражение лица второго брата, вздохнул и продолжил:

— Му Жань таил обиду на старшего брата. По-настоящему таил. Я злился за то, что старший брат разрушил мое счастье со вторым братом, злился, что ты не желаешь отпустить меня.

Почувствовав, как тело старшего брата напряглось, я мягко провел ладонью по его спине, точь-в-точь как он сам делал это так часто.

— Но потом я узнал, как второй брат обманул меня. В тот день на окраине Сучжоу я лежал в речной воде и думал: раз уж даже второй брат лгал мне, лучше бы мне умереть. Если бы тогда Фэнци не подоспел, я, пожалуй, и вправду расстался бы с жизнью.

Старший брат прижал меня еще крепче и сквозь зубы выговорил:

— Больше смей не думать о смерти. Я не позволю тебе умирать.

Я вздохнул. Старший брат ведь тоже никогда по-настоящему не ненавидел меня.

— Прибыв в Черный Замок, я думал, что старший брат возненавидел меня до смерти, и что умереть от его руки было бы не худшим исходом.

Лицо старшего брата помрачнело — он упрекал меня за то, что я снова заговорил о смерти.

Я улыбнулся, осторожно коснулся пальцами разгладившихся морщинок на его лбу и продолжил:

— Той ночью, слушая твою мелодию флейты, я впервые в жизни заплакал от боли. С той минуты я больше не сердился на старшего брата, забыл твою прежнюю грубость и помнил лишь твои добрые дела.

Старший брат вдруг смутился, заерзал и спросил:

— Ты правда... в тот день я ведь не со зла, я... я...

Я усмехнулся:

— А почему же?

Лицо старшего брата густо покраснело. Я добавил:

— Раз уж с Му Жанем обошлись подобным образом, у него наверняка есть право узнать причину?

Старший брат отвернулся и пробормотал:

— Я не знал, как поступить, и боялся, что Ранька поймет: я тоже... тоже...

Я в шоке широко раскрыл глаза. Впервые? По нему и не скажешь, маскироваться старший брат умел мастерски.

Я нарочно покачал головой:

— Му Жань не верит. Старший — глава Черного Замка, каких людей у него только нет, как он мог...

Старший брат опустил голову, на его лице проступила боль:

— Я не выношу прикосновений к другим людям — ни к мужчинам, ни к женщинам. Я могу только...

Я замер, вспомнив, что старший брат действительно никогда и ни к кому не приближался, кроме меня. Даже когда они сидели за столом вдвоем или втроем, два места рядом с ним всегда пустовали.

Я улыбнулся. Чего тут горевать? Для меня это было только к лучшему.

Старший брат явно не желал продолжать этот разговор и поспешно сменил тему:

— А что было дальше?

Я тоже не стал допытываться и продолжил:

— А потом старший брат не стал пользоваться моим положением, но начал избегать меня. Поняв, что в твоих чувствах нет ни капли фальши или обмана, осознав твою боль, твою борьбу и безысходность, я решил помочь тебе избавиться от тяжести на сердце.

Вспомнив, как выглядел старший брат в тот день, я невольно улыбнулся. Переведя взгляд, я поймал его опасный взгляд — он, должно быть, тоже вспомнил. Этот человек порой бывал толстокожим донельзя, а временами смущался сильнее затворницы из благородного семейства.

Я тут же добавил:

— И в то же время я сам открыл свое сердце и постепенно полюбил старшего брата.

Я думал, услышав о моей любви, он обрадуется или даже придет в волнение, но стоило радости промелькнуть на его лице, как он тут же сурово уставился на меня и проскрежетал зубами:

— Ты полюбил меня еще тогда? Почему же потом ты то приближался, то отдалялся, истязая меня?

Я вздохнул:

— Му Жань и сам не знает почему. Наверное, из-за собственной боли — мне нестерпимо хотелось, чтобы старший брат поделил ее со мной. Скажи, разве Му Жань не мерзавец?

Старший брат снова крепко прижал меня к себе и рассмеялся:

— Да уж. Мне стоило бы рассердиться за твою вредность, но почему-то на душе стало так легко. Я так рад, что Ранька позволил мне разделить эту боль с ним. Хотя, должно быть, Ранька страдал из-за своего второго брата.

Я помрачнел и кивнул:

— При виде второго брата мне было больно. А когда я узнал, что он не хотел мне зла, стало еще больнее. Пережив эту боль, я всё равно не мог понять, зачем он обманывал меня. Каково это — лгать самому близкому и любимому человеку? Какая же страшная тяжесть лежала у него на душе?

Старший брат произнес:

— В тот день он дал тебе письмо второй госпожи, почему ты не стал читать? Возможно, прочтя его, ты бы во всем разобрался.

— Второй брат столько лет скрывал это от меня. Раз уж правда сулила лишь беду, зачем мне было знать?

Старший брат чуть заметно кивнул.

Я продолжил:

— Особенно когда я вспомнил, что второй брат, прекрасно зная, как мучительно и опасно для жизни дается мне освоение Божественного Искусства Свадебного Наряда, сам тайком упражнялся в нем. Только тогда я понял, в каком непрерывном страхе, ступая по тончайшему льду над бездонной пропастью, жил рядом со мной второй брат. Как же тяжело ему пришлось! В последнее время я часто думал: возможно, без меня ему жилось бы намного лучше.

Старший брат внезапно приподнялся и пробормотал:

— Чего он опасался? Ты говоришь, что он начал практиковать Божественное Искусство Свадебного Наряда еще восемь лет назад — значит, дело было не во мне. Чего же ради он так боялся? Того, чего он страшился, несомненно, связано с тобой и должно быть чем-то ужасным. Ранька, ты правда ничего не знаешь?

Я покачал головой, и меня вдруг тоже охватил страх: неужели я действительно никогда не задумывался, чего именно боялся второй брат?

Тогда второй брат предпочел позволить Черному Замку схватить меня, но сначала завершил освоение Божественного Искусства Свадебного Наряда. И даже овладев им, он не сразу отправился в Черный Замок за мной, а сначала поехал бороться за звание главы боевого союза... Неужели он считал, что в Черном Замке мне будет безопаснее?

А старший брат? Почему он так рано покинул виллу? Никто никогда не слышал о его наставниках — где же он постиг столь совершенные боевые искусства? И создав Черный Замок, почему он скрыл свое имя и любую связь с Виллой Опадающих Вершин?

— Старший брат, почему ты ушел с виллы? И почему...

Старший брат вздрогнул, словно о чем-то догадавшись, и громко позвал:

— Фэнци!

Чу Фэнци мгновенно появился в комнате. Старший брат приказал:

— Живо свяжись с Му Хуа и передай, что Ранька хочет его видеть. И смотри, чтобы никто об этом не узнал.

Чу Фэнци так же стремительно исчез.

Я поспешно спросил:

— Старший брат, о чем ты подумал?

Старший брат ненадолго задумался, и я взмолился:

— Не скрывай от меня ничего, старший брат.

Он крепко обнял меня и тихо заговорил:

— Я действительно покинул виллу потому, что вторая госпожа пыталась меня отравить.

Я открыл рот, собираясь задать вопрос, но тут же замолчал — наверняка старший брат не хотел посвящать меня в подробности.

Улыбнувшись краешком губ, он продолжил:

— Вскоре после ухода я встретил человека в маске. Он вручил мне трактат по боевым искусствам и немалое богатство. Он...

Старший брат внезапно осекся. Я догадался:

— Это был отец, верно? И секретные техники, и сокровища происходили из тех скрытых формаций. Он намеренно выставил тебя за дверь, чтобы ты навсегда порвал с Виллой Опадающих Вершин.

Старший брат кивнул:

— Верно. Овладев мастерством, я основал Черный Замок и двенадцать лет не возвращался на виллу.

— Тогда почему же старший брат решил внезапно вернуться?

— Я вернулся чисто из прихоти. Хотел лишь взглянуть одним глазом и уйти, но повстречал тебя.

Я улыбнулся:

— Старший брат влюбился в Му Жаня с первого взгляда? И потому не смог уйти?

Лицо старшего брата покраснело, и он буркнул:

— Ну и что с того?

Снова начал смущаться. Я поспешно перевел разговор:

— Почему старший брат поднял руку на второго брата? Из-за Му Жаня?

Старший брат кивнул:

— Да.

Я вздохнул. Этот человек даже не утруждал себя ложью или оправданиями. Зная, что я могу рассердиться, он все равно не желал меня обманывать.

Но теперь я и сам догадывался, почему он так поступил. Вторая госпожа в очередной раз попыталась навредить мне, и старший брат, став свидетелем этого, сорвал злость на втором брате, посчитав, что тот не способен защитить меня.

Впрочем, возможно, это был лишь повод. При его властном нраве, раз уж он положил на меня глаз, он рано или поздно все равно вмешался бы.

Мы со вторым братом оба пытались защитить друг друга по-своему, скрывая правду, а в итоге принесли лишь боль. Если бы все повторилось сначала, я бы ни за что не стал лгать второму брату... хотя о чем это я? Разве я от него что-то скрывал? Он ведь и так наверняка знал обо мне всё. А он? Если бы всё вернуть назад, стал бы второй брат снова обманывать меня?

Я вспомнил свои слова, сказанные старшему брату давным-давно, когда он спрашивал, как я поступлю, если второй брат действительно солжет мне:

— Даже если все мои догадки подтвердятся, второй брат останется самым дорогим для меня человеком. Но моя гордость не позволяет мне быть пешкой и ступенью для чужих амбиций, а мое самоуважение не позволит любить того, кто пренебрегает моими чувствами и использует их. Даже если этот человек — второй брат, с той минуты мы разойдемся, как корабли в море, и больше никогда не встретимся.

Разойтись, как корабли в море... Сбылось ли это предсказание?

Пусть я до сих пор не могу забыть второго брата — и, наверное, не забуду никогда, — прежней близости между нами уже не вернуть. Наверное, подсознательно я чувствовал это с самого начала, потому-то мне и было так невыносимо больно при встрече с ним.

Я тихонько прижался к груди старшего брата, больше не желая возвращаться к этим мыслям.

Старший брат вдруг произнес:

— Мы пока не уедем. И все же этот Дуань Минфэн, хоть и кажется легкомысленным повесой, на деле далеко не прост — судя по тому, как ловко он провел Му Хуа. Веди себя осторожнее с ним.

Я улыбнулся. Старший брат наконец-то примирился со вторым братом в своем сердце и даже позволил мне проучить того, кто посмел издеваться над ним и обманывать его. И тут я вспомнил: старший брат никогда не упоминал о том дне, когда я ранил главную госпожу, и вообще избегал произносить это имя в моем присутствии.

Его мягкость и забота всегда проявлялись вот так — ненавязчиво и исподволь.

<http://bllate.org/book/21137/2144053>